

О. И. Северская

КОРОНАВИРУСНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ

В статье рассматриваются примеры фразеологических и паремиологических трансформаций, характерных для «коронавирусного дискурса»: рефразеологизация, формирование новых значений идиом, лексические и структурные изменения устойчивых выражений. Особое внимание уделяется «наивной» аксиологии.

Ключевые слова: фразеология, паремиология, трансформации, рефрейминг, лингвокультурологический анализ.

В коронавирусном дискурсе и его стремительно развивающемся «словаре» фразеологизированные единицы и паремии занимают особое место. Что не удивительно: как отмечают, например, Г. Миронова и Е. Купцевич [1] актуализация таких феноменов напрямую связана с кризисными явлениями. Это связано с тем, что фразеологизмы (идиомы) и паремии (пословицы, поговорки, девизы, слоганы, афоризмы, загадки) аккумулируют специфическую информацию о типичных жизненных и мыслимых ситуациях, объектах и отношениях, а потому становятся прекрасным инструментом концептуализации реальности, выполняя функцию знакового замещения не только самого объекта образной номинации, но и оценочного отношения к нему говорящего субъекта. Однако в них не только представлены концептуальные схемы, но и, по выражению М. Л. Ковшовой, «как в увеличительное стекло, выпукло и ёмко явлена наивная этика народа, его морально-нравственные принципы и идейно-эстетические воззрения на мир» [2, с. 80]. При этом фразеологизированные единицы и паремии «не создаются, а воспроизводятся, но не автоматически и тем более не механически, а в результате их осознанного выбора языковым субъектом» [Там же].

В коронавирусном дискурсе представлены как неологии, так и значительное количество уже существующих, но наделяемых новыми смыслами фразеологизмов и идиом. В этом можно видеть и влияние стремительности развития осмысляемой ситуации, и диктат одной из основных дискурсивных стратегий современности – рефрейминга [3, с. 74–83], при котором выражения переносятся в другой контекст и приспосабливаются для решения новых задач, а также аксиологически переосмысливаются.

Так, выражение *не все дома* ‘о странном, глуповатом, придурковатом человеке’ буквализируется, а затем подвергается рефреймингу, приобретая смысл высказывания о нарушении правил самоизоляции: *Фраза «у него не все дома», звучит теперь, как донос...* (Г. Погосян. ФБ. 03.04.20). Но при этом сохраняется и первоначальный смысл идиомы, который и формирует оценочный компонент в образном обозначении ситуации.

Идиома *надеть корону* ‘зазнаться’ (сравн.: *Актриса Анна Хилькевич – одна из немногих звезд российского шоу-бизнеса, кто еще не успел «надеть корону»*. *Артистка любит смеяться и выставлять себя не в лучшем свете, чтобы повеселить других* (Дни.ру. 12.12.19); *Зачем вирус надел корону?* (Econet.ru. 27.03.20)) меняет смысл на ‘заразиться коронавирусом’: *20 территорий надели «корону»* (v-pravda.ru.14.04.20). В этом контексте вопрос: *корона не жмет* ‘не слишком ли вы вознеслись?’ звучит уже как забота о здоровье собеседника, что улавливают простые носители языка: *Я тут подумал, что фраза «Тебе корона не жмёт?» в свете нынешней пандемии звучит совершенно по-новому* (ЖЖ. Bash-im. 27.03.20), а в утвердительной форме это выражение означает констатацию выздоровления от коронавируса и (что широко используется в медиадискурсе – в отношении стран и регионов) снятие карантинных ограничений и открытие границ: *Корона им больше не жмет. Ровно в полночь среды завершился*

самый первый в мире карантин, введенный из-за коронавируса, в китайском городе-миллионнике Ухане (Коммерсантъ. 09.04.2020). В этом случае уже можно говорить если не о полном переосмыслении, то о формировании нового значения идиомы, связанного с изначальным лишь опосредованно, – через образ «вознесшегося до небес», подцепившего «звездную болезнь» вируса.

Одновременно происходит рефрейминг идиомы *надеть корону* в политическом дискурсе – в рамках совпавшей с началом пандемии историей с принятием поправок к Конституции. *Коронавирус* устойчиво связывается с «*коронованием*», венчанием президента на «царство», в этой «рамке» *коронавирус* приобретает окказиональное значение 'стремление к бесконечному сохранению власти'. Переосмыслению политической ситуации в сетевом юморе способствует и фрейм карантина общемирового масштаба: *Из-за коронавируса Путину запретили покидать президентское кресло*, а «обнуление» президентских сроков порождает номинацию *нулевой президент* – по аналогии с терминологичным *нулевым пациентом* (К. Туркова. Коронавирус и поправки к российской Конституции. Голос Америки. 16.03.20).

Широко используется и прием паремиологического варьирования. Прежде всего, за счет замены лексики, как в *Карантин суров, но это закон* (МК. 31.03.2020), трансформации приписываемого Цицерону афоризма: *Закон суров, но это закон* (*Dura lex, sed lex*); или в *Тяжело в лечении, легко в гробу* (сетевой мем), восходящем к крылатой фразе А. В. Суворова об *учении* и *бое*, но мотивированном одновременно метафорой *войны* с коронавирусом, *сражения* за жизни пациентов при *ученическом* подборе наощупь методов лечения; или же в карнавальном *Покайтесь, грешники!* (сетевой мем), где оценка людей, бездумно скупающих *гречневую* крупу, как *грешников* поддержана корреляцией на звуко-смысловом уровне. Либо за счет структурных трансформаций – например, приращения новых компонентов к уже известной паремии, как в случае с советским лозунгом, переосмысленным в сетевом меме: *Мир, труд, май! Сиди дома, отдыхай!* Есть и случаи когнитивного рефрейминга крылатых слов, например, в прочтении строк И. Бродского: *Не выходи из комнаты, не совершай ошибку. [...] Запрись и забаррикадируйся / шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса*, сквозь призму самоизоляции, в результате чего происходит подмена одной референтной ситуации другой.

Довольно много неопаремических подражаний загадкам с отгадками. Например, «загадочный» (но имеющий, впрочем, яркую внутреннюю форму и обозначающий время самоизоляции, локдаунов и ограничительных мер) неологизм *коронапауза* сопровождается «отгадкой»-толкованием: *Коронапауза. На паузу поставленная жизнь: Все планы, все мечты, все начинанья* (Олег Йарадар. Коронапауза. Стихи.ру).

По наблюдению М. В. Влавацкой и З. М. Зайкиной, подобные трансформации в последнее время закономерно возникают в результате реакции на революционные изменения в разных сферах, и именно выявляемая структурно-семантическая динамика перехода от «старой» паремии к «новой» составляет суть изменения представлений о реальности [4, с. 89], с чем трудно не согласиться.

Появляются в коронавирусном дискурсе и загадочные персонажи – такие, как *Расхламинго*, *Ковидло* и *Уханька*.

Первый ассоциируется с охватившим миллионы «самоизолянтов» процессом «расхламления», а подспудно и с восклицанием, маркирующим успешное его завершение: *бинго!* Но здесь важна не только соотносимая с процессом «инговая» форма неологизма: он образует пару с появившимся значительно раньше словом *захламинго*, относимого как к созданию определенных запасов: *у меня год начался с запланированного захламинго уходом* (costo.ru/forum. 01.01.2016), так и к состоянию захламленности, конкретному хламу: *У нее квартира-пенал с этажеркой на всю стену, будет куда композиции из сена и цветов ставить и прочие захламинго* (forum.baginya.org. 01.11.2018), и производителям беспорядка: *У нас главный захламинго – муж. Он легко создаст кучу*

барахла вокруг красиво поставленного на тумбу горшка))) (forum.updiet.info. 09.12.2018). Но интереснее всего ассоциация с мифонимом *птица Феникс*, символом восстания из небытия, возрождения из ничего: *Мне стенка ее понравилась, скоро захламинго там совет воронье гнездо. Лилька не может жить по-другому, в любом доме устроит кальвиссонию. Лилька птица-захламинго* (forum.baginya.org. 01.11.2018). Таким образом, *Захламинго-Феникс* выступает как антагонист *Расхламинго*, также предстающим в образе птицы, похожей на *Розового фламинго* из одноименной песни Алёны Свиридовой, которая и формирует подтекст за счет ассоциации с *розовой мечтой, жизнью в розовом свете* и постоянно повторяемым припевом *Думай о хорошем!* Таким образом, «загадкой» становится само имя *Расхламинго*, а «отгадку» формирует довольно широкий контекст. В этом можно видеть подтверждение того, что слово в некоторых случаях может рассматриваться как «свертка» паремии и отраженных в ней текстов и контекста, о чем пишет, ссылаясь на идеи А. А. Потебни, В. М. Мокиенко [5, с. 12].

Что касается *Ковидла*, то этот «оним» структурно встраивается в ассоциативный ряд *повидло* (вирус такой же липкий и легко «размазывающийся», его так же можно «съесть», «проглотить» ненароком), *быдло*, *кодла* (-о), *падла* (-о) (а с этими бранными словами связаны ассоциации с чем-то тупым, не знающим норм морали и границ дозволенного, подлым, преступным). Эти ассоциации определяют содержание понятия, стоящего за именем вируса, а также определяют его с точки зрения наивной этики.

Уханька же ассоциируется с представлением о домовёнке – маленьком мохнатом человечке, живущем в каждом доме, который может, рассердившись на «сожителей», устроить погром или как-то нашкодить. В сетевом фольклоре он представлен как персонаж по сути добрый, но оклеветанный: *Жил на свете маленький вирус Уханька, добрый и обычный вирус, который, как и все вирусы, помогал людям и животным повышать свой иммунитет. Никому ничего плохого Уханька не делал, даже наоборот, к ослабленным старался не прилипать и мух не обижал. Напрасно Уханька думал, что раз он незаметный, то и злодеи его так же не видят. Злодеи его уже давно заметили, да всё не знали, гадали, как выгоду свою да поиметь с него. Подослали они к Уханьке политологов окающих, да не простых, маститых, которые обольстили доверчивого Уханьку, овладели его бдительностью, и сам Уханька очнуться не успел, как на него эти политологи повесили ярлыков «коварный», «убийца», «злодей» и «негодяй»* (Zen.yandex.ru. Записки Кочегара. 09.04.20). С другой стороны, появляется и в образе разбушевавшегося «плохиша»: *Уханьку уже не остановить. Уханька – как неуловимый Джо* (forum.guns.ru. 23.02.20), а временами почти былинного персонажа – как в ролике на Youtube *«Битва эпических вирусов. Уханька vs. Пенсильванька»*, заставляющего вспомнить о судьбоносной битве *Пересвета с Челубеем*. Вместе с тем, в сети встречаются и тексты с четким указанием на референт – либо на сам вирус: *Уханька, она же коронавирусная инфекция COVID-19 – вирусное заболевание, вызываемое возбудителем SARS CoV-2, и похожее по многим симптомам на «обычный» грипп* (FAQ по «уханьке» – коронавирусу. 22.03.20), либо на ассоциирующийся с ним предмет: *Средства защиты, изготовленные в Китае, медики назвали в честь китайской провинции Ухань – «уханька»* (ФАН. 22.03.20).

И *Ковидло*, и *Уханька*, таким образом, представляют собой своеобразную «отгадку в загадке», где имя собственное воспринимается как индекс стереотипных образов и ассоциаций, возникающих на основе знаний [6, с. 311], с той разницей, что знания эти соотносятся с ситуациями, в которых действуют другие персонажи. Однако имя собственное в паремии всегда, на что указывает М. Л. Ковшова [Там же, с. 365], становится сигналом, инициирующим креативную доработку образа участниками коммуникации.

Как можно было заметить, во всех случаях в результате рефрейминга происходит формирование новой, ярко выраженной субъектно-предикатной структуры фразеологи-

зма или паремии – на логико-семантическом уровне: «старая» единица либо впитывает смыслы, транслируемые новой референтной ситуацией, обретая новое значение, либо сама предиктирует свое содержание «новой», встраиваясь в ее семантическую структуру в виде оценочного компонента; в то же время неологизмы имитируют паремийные компоненты, по отношению к которым семантическим предикатом становится обширный лингвокультурный контекст.

Список использованных источников

1. Миронова Г. Паремийный фонд национального языка как отражение кризисных явлений в обществе / Г. Миронова, Е. Купцевич // *Parémie narodů slovanských III.* – Ostrava: Ostravská univ., 2007. – S. 45–62.
2. Ковшова, М. Л. Оценочность идиом и наивная этика паремий: лингвокультурологический аспект исследования / М. Л. Ковшова // *Филология и культура.* – 2013. – № 3. – С. 79–85.
3. Иссерс, О. С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени / О. С. Иссерс. – Омск: Издательство Омского гос. ун-та, 2012. – 276 с.
4. Влавацкая, М. В. Комбинаторная паремиология как область изучения новых паремий / М. В. Влавацкая, З. М. Зайкина // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – 2018. – № 11(89). – Ч. 1. – С. 88–92.
5. Мокиенко, В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) / В. М. Мокиенко // *Мир русского слова.* – 2010. – № 3. – С. 6–20.
6. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры / М. Л. Ковшова. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.

The article examines examples of phraseological and paremiological transformations in the “coronavirus discourse”: re-fraseologization, the formation of new meanings of idioms, lexical and structural changes in set expressions. Particular attention is paid to the “naïve” axiology.

Keywords: phraseology, paremiology, transformations, reframing, linguocultural analysis.

УДК 811.161.1'42'373.612.2:398.92:616-022.6

Л. В. Селезнева

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ КОРОНАВИРУСНОГО РЕЖИМА

В статье рассматриваются модификации фразеологизмов в информационно-дискурсивном ракурсе. На примере структуры статуса показано, как рассматривается информационная структура, какие модификации фразеологизмов есть. Модификации фразеологизма задаются прагматической целью дискурса, в котором сочетается переносное значение фразеологизма с потребностью в актуализации конкретной информации.

Ключевые слова: паремия, модификация, фразеологизм, переносное значение.

Карантин – это когда выйти можно только из себя (Статус в Соцсети).

Новый подход к исследованию языковых феноменов как средств организации социального опыта в процессе речевой коммуникации с некоторых пор предполагает не только выявление таких единиц и конструкций, но и описание условий и механизмов их выбора и функционирования. В. Е. Чернявская отмечает, что «фокус лингвистических разработок перемещался от вопросов внутритекстовой организации к процессам текстопостроения и текстовосприятия» [1, с. 137]. Это особенно актуально в настоящее время, которое жур-